УДК 343.21

НАЗАРЕНКО Г.В.

Факторы, способствующие реализации уголовно-правовой политики

Статья посвящена уголовно-правовой политике Российской Федерации, негативным и позитивным факторам, влияющим на реализацию политики.

Ключевые слова: уголовно-правовая политика, позитивные и негативные факторы, законодательная текстология.

В последние годы отечественные правоведы в лице представителей общей теории права и отраслевых юридических наук (уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право и др.) все чаще обращаются к исследованию правовой политики, уголовной политики, уголовно-правовой политики и уголовно-исполнительной политики[1]. Наибольших успехов в исследовании правовой политики, отличительной особенностью которой является использование правовых средств, достигли специалисты по уголовному праву.

Обращение криминалистов к исследованию уголовной политики произошло более двухсот лет тому назад в связи с проявлением кризисных явлений в обществе, которые обусловили снижение эффективности уголовного права. Теория уголовной политики зародилась в недрах западно-европейского правоведения в середине XIX века, а в 1804 г. германский юрист Ансель Фейербах, отец известного философа Людвига Фейерабаха, ввел в научный оборот понятие уголовной политики[2]. В начале XX века представители отечественной правовой науки не совсем ясно представляли себе сущность уголовно-правовой политики. В публикациях, имеющих отношение к правовой политике, рассматриваются отдельные вопросы уголовной политики. Типичным примером является монография Л.Е. Владимирова «Уголовный законодатель как воспитатель народа», в которой автор рассматривает гуманную стратегию противодействия преступности без обращения к понятийному аппарату уголовной политики[3]. Выдающиеся ученые XIX в. С.П. Мокринский, Н.С. Таганцев и многие другие при рассмотрении уголовной политики не ставили себе специальной задачи систематизировать уголовно-правовой материал с позиций правовой политики, ограничиваясь исследованием общей стратегии государства по борьбе с преступностью[4].

В 1905 г. выдающийся русский ученый М.П. Чубинский опубликовал фундаментальный труд, посвященный проблемам уголовной политики, в котором изложил общее учение об уголовной политике и в котором уголовно-правовая политика рассматривается как составная часть науки уголовного права[5]. Тем не менее в работах по общей теории права отмечается, что «в дореволюционный период так и не было создано ни одной обобщающей работы по политике права»[6]. Вполне справедливый вывод в отношении представителей общей теории права, но не имеющий отношения к теории уголовного права.

Правоведы советского периода при отсутствии общетеоретических исследований по правовой политике сумели разработать ряд аспектов уголовной политики. В начале 20-х гг. XX столетия ученые-криминалисты сумели выделить основные элементы теории уголовной политики – ее предмет, метод, цели и задачи[7]. При этом в соответствии с духом времени первостепенное внимание уделялось обоснованию классового характера уголовное политики[8]. В конце 20-х гг. сложились первые представления о принципах уголовной политики[9]. В рамках теории уголовной политики в конце 30-х гг. исследо-

вались проблемы наказания и классовой природы преступлений и «реакционная сущность буржуазной уголовной политики»[10]. Затем произошло свертывание уголовно-политических исследовании в связи с трудностями, которые в силу идеологических причин постигли отечественную политологию. В дальнейшем шел процесс рассредоточения уголовно-политических учений по отдельным отраслям уголовно-правовых знаний. В 1956 г. составители Большой Советской Энциклопедии сделали закономерный вывод: «Социалистическая теория уголовного права не знает уголовной политики как особой дисциплины»[11]. Возрождение теории уголовной политики началось в 70-х гг. XX столетия. Н.А. Герцензов и В.А. Клочков первыми предприняли попытку обосновать необходимость проведения массированных уголовно-политических исследований в рамках междисциплинарной отрасли[12]. В дальнейшем их поддержали виднейшие ученые-криминалисты[13].

В 90-е годы минувшего века теория уголовной политики получила активную поддержку в лице профессорско-преподавательского состава российских университетов. В учебные планы ведущих юридических вузов и факультетов включена специальная дисциплина «Уголовная политика Российской Федерации». В научной литературе получили подробное освещение такие категории, как понятие и содержание уголовной политики, задачи и санкции уголовной политики, структура и направления уголовной политики, субъекты уголовной политики, стадии и пути ее реализации[14]. На этом фоне парадоксальная ситуация сложилась в общей теории права, так как «в современной российской юридической науке среди ученых нет единства взглядов на сущность правовой политики, отсутствуют четкие научные представления об этом феномене»[15]. В учебниках по общей теории государства и права правовая политика как предмет, достойный изучения, отсутствует до настоящего времени[16].

Правовой основой уголовной политики считается уголовное законодательство, поскольку «центральное место в выражении государственной уголовной политики занимает уголовный закон»[17]. Специальными направлениями уголовной политики являются: 1) реализация уголовно-правовых предписаний в соответствии с принципами законности, равенства, виновности, справедливости и гуманизма (ст. 3–7 УК РФ), 2) сужение уголовной ответственности (ст. 28, 40, 41, 42 УК РФ); 3) ограничение уголовной ответственности несовершеннолетних (ч. 3 ст. 20 УК и др.), 4) восстановление социальной справедливости (ч. 2 ст. 43 УК), 5) ориентация судов на назначение менее строгих видов наказании (ч. 1 ст. 60, ст. 65 УК), 6) установление новых оснований освобождения от уголовной ответственности (ст. 75, 76 УК и др.), 7) расширение регулятивного воздействия в сфере уголовной ответственности неуголовных нормативно-правовых актов за счет бланкетизации диспозиций статей УК РФ путем отсылки к другим нормативным источникам.

Однако реализация указанных направлений уголовной политики не привела к желаемым результатам. В этой связи многие авторы отмечают кризис российской уголовной политики, который проявился, с одной стороны, в снижении числа зарегистрированных преступлений в 1999–2002 гг. на 0,5 миллиона, с другой стороны, в «криминальном взрыве». К концу 2005 г. число зарегистрированных преступлений увеличилось на один миллион и достигло 3 миллионов 544 тысяч[18].

В опубликованных источниках кризис уголовной политики объясняется наличием «негативных факторов реализации российской уголовной политики», таких как недостоверность уголовно-правовой статистики, необоснованная либерализация уголовного закона и низкая эффективность правоохранительной деятельности[19]. Обращает на себя внимание, что в теории уголовной политики отсутствует парная категория – «позитивные факторы реализации уголовной политики», которыми являются факторы, способствующие успешной реализации уголовной политики. Очевидно, выделению позитивных факторов препятствует концентрация внимания отечественных криминалистов-политологов на кризисных явлениях, а также общее убеждение, что таких факторов применительно к уголовной политике не существует. В юридической литературе реализация уголовной политики связывается прежде всего с

применением норм уголовного права, деятельностью правоприменительных органов и правовым воспитанием населения[20], то есть реализация уголовное политики рассматривается в духе устаревших советско-партийных убеждений о законодательном прогрессе, неукоснительном соблюдении принципов законности в деятельности государственных органов и воспитательной функции права.

Реалистично настроенные исследователи связывают реализацию российской уголовной политики с пересмотром идеологии противодействия преступности, поскольку существующая идеология базируется на гипертрофированных либеральных либо квазилиберальных ценностях. В этой связи предлагается ограничить права и свободы личности и включить новации в действующий Уголовный кодекс РФ. К числу таких новаций отнесены институт уголовной ответственности юридических лиц, способствующий противодействию корпоративной преступности, нормы об усилении ответственности и ужесточении наказаний организаторов и исполнителей тяжких и особо тяжких преступлений и другие нормы, направленные на противодействие организованной преступности и терроризму, а также преодоление расширительного толкования презумпции невиновности в отношении коррупционеров[21]. Несомненно, осуществление предлагаемых новаций способно изменить негативный характер реализации уголовной политики. Однако реальная политика, реализуемая в сфере уголовного права, неуклонно движется в сторону радикальной либерализации. За период действия Уголовного кодекса РФ принято 106 Федеральных законов, которые внесли в действующие УК 1014 изменений и поправок. Таковые, по оценке известного криминолога С.Ф. Милюкова, «кастрировали» уголовный закон, то есть предельно выхолостили репрессивное содержание карательного закона. Из Уголовного кодекса РФ изъяты: конфискация имущества как вид наказания (фактически наложен мораторий на безвозмездное изъятие незаконно нажитых фабрик, заводов и дворцов), неоднократность и судимость в качестве квалифицирующих признаков преступлений (тем самый ослаблено противодействие профессиональной и рецидивной преступности), снижен верхний предел санкций в виде лишения свободы с 10 до 7 лет либо с 10 до 5 лет, а нижний предел снижен с нескольких лет до двух месяцев. В результате разрыв между верхним и нижним пределами наказания стал пятидесятикратным, что превращает институт судейского усмотрения при назначении наказания в судейский произвол. Коррупции в судейский рядах и правоохранительных органах способствуют некачественные уголовно-правовые предписания, которые недостаточно точно и ясно выражают волю законодателя, тем самым в одних случаях создают возможность их неправильного толкования и применения, в других случаях низкое качество предписаний снижает возможность их реализации либо вообще исключает такие предписания из числа действующих норм.

В этой связи ученые и практикующие юристы все чаще заявляет о необходимости проведения фундаментальных правовых исследований, которые могут служить развитию законодательной техники, способной повысить качество уголовного законодательства. Законодательная техника рассматривается специалистами уголовного права как некая самодостаточная отрасль юридических знаний и как наиболее весомый фактор совершенствования уголовно-правовых предписаний[22]. Однако ряд специалистов справедливо считают, что законодательная техника современного уголовного права далека от совершенства по многим параметрам, к числу которых относят создание чрезмерно сложных и не вызываемых необходимостью законодательных конструкций, терминологическую невыдержанность и избыточность[23], казуальность, расплывчатость, неясность и крючкотворность уголовно-правовых предписаний, созданных по технико-юридическим лекалам[24].

На наш взгляд, повышение качества уголовного законодательства является фактором, способствующим реализации уголовно-правовой политики, поскольку именно качественный уголовный закон (УК РФ) может нормативно обеспечить стоящие перед уголовной политикой задачи. В юридической литературе справедливо отмечается, что инструментарий законодательной техники ограничен такими юридическими средствами, как уголовно-

правовые дефиниции, аксиомы, презумпции, фикции и конструкции. Не менее ограниченным (строго очерченным) является и набор законодательно-технических приемов, посредством которых конструируется уголовный закон, его институты, субинституты и предписания[25].

Новейшие исследования по уголовному праву показывают, что перспективным инструментом повышения качества уголовного закона является законодательная текстология, объектом исследования которой выступает текст уголовного закона. С позиций законодательной текстологии уголовный закон представляет собой нормативный текст, который, чтобы отвечать требованиям качества, должен обладать всеми признаками текста (наличие заголовков частей, разделов, глав, статей, объективированность законодательной интенции в нормативно-правовом акте, завершенность, литературная обработанность, связность, целенаправленность и прагматичность)[26].

Практическое применение законодательной текстологии уголовного права имеет два направления: 1) конструирование уголовного закона в соответствии с теоретическими положениями законодательной текстологии; 2) законодательно-текстологическая интерпретация уголовно-правовых предписаний, имеющая четкий алгоритм толкования заголовков, уголовно-правовых предписаний и примечаний с учетом их типовых схем и законодательных моделей, выявленных в результате законодательно-текстологического анализа УК РФ[27].

С позиций законодательной текстологии действующий уголовный закон является дискурсивно незавершенным, так как тесно связан с политическими, социальными и экономическими процессами, происходящими в обществе[28]. В этой связи законодатель регулярно вносит в текст Уголовного кодекса РФ новые и редактирует исходные заголовки глав и статей, изменяет структурные элементы Кодекса путем внесения, исключения либо редактирования отдельных глав, их фрагментов, статей и примечаний. Многочисленные поправки, вносимые в Уголовный кодекс РФ Федеральными законами, призваны придать действующему уголовному закону актуальную степень завершенности и тем самым повысить его качество. Однако, несмотря на все усилия законодателя (с 1998 по 2012 г. в УК РФ внесено 1014 изменений и дополнений), качество закона оставляет желать лучшего, так как используемая законодательная техника (детище XVIII–XIX вв.) не отвечает на важнейшие вопросы: как следует формулировать заголовки, уголовно-правовые предписания и примечания, каким образом интерпретировать нормативные тексты с учетом их поверхностного (конструктивного) и глубинного (концептуального) уровней, тема-рематического (структурно-смыслового членения) и дескриптивных (описательных) признаков, имеющих уголовно-правовое значение.

В результате УК РФ содержит множество технико-юридического брака: заголовки новых и отредактированных статей имеют нулевую воспроизводимость, так как их объем нередко превышает 20, 30 и более слов, в отдельных случаях 60 слов (ст. 228, 228.1, 229, 229.1, 233 УК РФ и др.), ряд заголовков статей Особенной части дублирует содержание диспозиций вместо того, чтобы служить наименованием статей (ст. 113, 228, 229 УК РФ и др.). Соответственно заголовочный комплекс Уголовного кодекса, который ранее давал правоприменителю возможность в режиме быстрого доступа получить информацию о генерализованном (обобщенном) содержании уголовно-правовых предписаний и системных связях уголовно-правовых институтов, во многом утратил не только номинативную, но и интегративную функции. Заголовки-диспозиции превратились в графически выделительные текстоиды, то есть в текстоподобные нормативные образования с избыточным информационным наполнением. Новые уголовно-правовые предписания (ч. 1 ст. 170, ч. 1 ст. 185.3, ч. 1 ст. 185.5 УК и др.) имеют запредельный объем, который существенно затрудняет восприятие, осмысление и реализацию таких предписаний. Ряд статей Общей части УК РФ не имеет графически-композиционного членения. В результате нормативный текст образует несколько уголовно-правовых предписаний, включенных в одну статью, часть или один пункт. Типичный пример – часть 2 ст. 102 УК РФ, которая содержит пять предписании, регулирующих продление, изменение и прекращение применения принудительного лечения. В процессе многочисленных поправок статей Особенной части УК РФ негативно изменился композиционно-графический

облик ряда статей: квалифицирующие признаки преступлений, которые ранее имели цифровое и литерное выделение, утратили композиционно-графическую дифференциацию. Как результат, снизилось качество квалификации преступных деяний: квалификационные записи стали менее точными.

На наш взгляд, повышение качества уголовного закона представляет собой необходимое условие не только успешной реализации уголовной политики, но и формирования действенной уголовно-правовой политики. Важнейшим инструментом повышения качества уголовного закона в перспективе является законодательная текстология, поскольку законодательно-текстологический подход к конструированию и интерпретации нормативных текстов уголовного закона позволит устранить недостатки, имеющиеся в Уголовном кодексе, избежать дальнейших ошибок при внесении поправок и новых предписаний в УК РФ, а также разработать концепцию уголовно-правовой политики с учетом факторов, как способствующих, так и препятствующих реализации уголовной политики.

---

[1] Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов: СГАП, 2003. С. 318–328; Российская правовая политика: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М.: СГАП, 2003; Босхолов С.С. Основы уголовной политики: конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты. М.: Центр ЮрИнфоР, 2004. С. 24–46.

[2] Feuerbach A. Versuch ciner Criminaljurisprudenz des Koran. Erfurt, 1804. S. 163–165.

[3] Владимиров Л.Е. Уголовный законодатель как воспитатель народа. М.: Т-во СКОРОПЕЧ. А.А. Левенсон, 1903. С. 228–244.

[4] Мокринский С.П. Наказание, его цели и предположения. М.: Университетская тип., 1902. С. 205–222; Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1994. С. 114–116 (лекции 1902 г.).

[5] Чубинский М.П. Очерки уголовной политики: понятие, история и основные проблемы уголовной политики как составного элемента науки уголовного права. Харьков: тип. Печатное дело К.Н. Гагарина, 1905. С. 50–79.

[6] Велютнев В.В. Развитие представлений о правовой политике России / Правовая политика России: монография. М.: ТК Велби, Проспект, 2006. С. 134.

[7] Скрыпник Н.И. Уголовная политика советской власти. Харьков: Юрид. изд-во, 1924. С. 15.

[8] Основные задачи советской уголовной политики. М.: Ранион, 1929. С. 12–24.

[9] Трайнин А.Н. Уголовное право РСФСР. Общая часть. М.: МГУ, 1929. С. 205–218.

[10] Волков Г.И. Классовая природа преступлений. М.: Сов. зак-во, 1925. С. 22–47.

[11] Большая Советская Энциклопедия. В 50 т. Т. 43. М.: Сов. Энциклопедия, 1956. С. 619.

[12] Герцензон А.А. Уголовное право и социология. М.: Юрид. лит., 1970. С. 196, 203; Клочков В.В. Основные направления научных исследований по проблемам борьбы с преступностью / / Соц. законность. 1974. № 5. С. 13.

[13] Беляев А.И. Советская уголовно-правовая политика и пути ее реализации. Л.: ЛГУ, 1986; Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. Влад., 1987; Панченко П.Н. Советская уголовная политика. Томск: изд-во Том. ун-та, 1987.

[14] Тер-Акопов А.А. Уголовная политика Российской Федерации: уч. пособие. М.: МНЭПУ, 1999. С. 4–31.

[15] Корсакова С.В. Правовая политика: особенности научного понимания //URL:http//jornalnio.com/index.php?option=com_content&view=article&id=414.&inten (дата обращения 21.01.12).

[16] Общая теория государства и права: академический курс в 3-х т. Т. 1, 2, 3. / Отв. ред. М.Н. Марченко. М.: ИКД Зерцало-М, 2002.

[17] Босхолов С.С. Основы уголовной политики. М.: Центр ЮрИнфоР, 2004. С. 31.

[18] Алексеев А.И. Российская уголовная политика / А.И. Алексеев, В.С. Овчинский, Э.Ф. Побегайло. М.: Норма, 2006. С. 6.

[19] Гаврилов Б.Я. Современная уголовная политика России. М.: ТК Велби, Проспект, 2008. С. 7–14.

[20] Беляев Н.А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. Л.: ЛГУ, 1986. С. 98–178.

[21] Алексеев А.И. Указ. раб. С. 78–83.

[22] Керимов Д.А. Проблемы законодательной техники // Международное и национальное уголовное законодательство: проблемы юридической техники. Материалы III МНПК 29–30 мая 2003 г. М.: Проспект, 2009. С. 3–5.

[23] Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М.: Волтерс, Клувер, 2009. С. 56–57.

[24] Гаухман Л.Д. Проблемы УК РФ: бланкетность, декларативность, казуистичность // Уголовное право в XXI веке. Материалы МНК. М.: Проспект, 2002. С. 55.

[25] Кругликов Л.Л. Юридические конструкции и символы в уголовном праве / Л.Л. Кругликов, О.Е. Спиридонова. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. С. 49–78.

[26] Ситникова А.И. Законодательная текстология и ее применение в уголовном праве: монография. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 23–39.

[27] Ситникова А.И. Законодательная текстология уголовного права: монография. М.: Юрлитинформ, 2011. С. 25.

[28] Ситникова А. Законодательная текстология. Уголовно-правовой аспект: монография. Саарбрюкен: Lambert Academic Pablishing, 2012. С. 130–133, 329–337.